

ГРАНИЦЫ ПОЗИТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: «НОМО ABSCONDITUS»

Ханс-Петер Крюгер*

В последнее десятилетие геномные исследования и исследования в области головного мозга человека достигли ощутимых результатов. Далеко продвинулась расшифровка опытным путём последовательности генома человека. В исследовании головного мозга успешно применены новые эмпирические методы, позволившие установить распределение видов деятельности головного мозга, отвечающих за пространственную и временную ориентацию, без необходимости операционного вмешательства в мозг. Результаты исследований в обоих направлениях имеют важное познавательное, моральное и правовое значение для самопонимания человека как специфического живого существа.

Здесь я хотел бы изложить свою философско-антропологическую точку зрения на этот счёт. Свое изложение я разделил на шесть пунктов.

1.

Что я подразумеваю под выражением «позитивное определение», которое я употребил уже в заглавии моей статьи? Под «позитивным определением чего-либо» я понимаю такие опытно-научные познания, которые могут быть репродуцированы в зависимости от определённого метода и стандартизированных условий. В таком случае можно установить соответствующие позитивные факты, которые могут быть даны в восприятии и по поводу которых можно вынести суждение. Для определённого метода требуются стандартные условия, например определённый вид лаборатории, позволяющей использовать метод на практике при сопоставимых условиях. Требуются также стандартные наблюдатели, которые сопоставимым образом интерпретируют результаты применения метода. То, что может быть дано восприятию в ходе методической демонстрации, должно поддаваться понятийному суждению. Например, «некто является последовательностью генов шимпанзе, а не человека». Или: «это нейрональные активности в области головного мозга, которые ведают языковой моторикой и больше ничем иным». Методическая демонстрация тем более определённа и отчётлива, чем однозначнее условия и чем однозначнее

* Ханс-Петер Крюгер (Hans-Peter Krüger) – профессор, доктор философии, специалист в области политической философии и философской антропологии, философский факультет Потсдамского университета; wilhelm@rz.uni-potsdam.de.

полученные результаты могут подпасть под понятийное суждение. Во всех опытно-научных измерениях имеется процент погрешности, который учитывается благодаря расчётам по законам теории вероятности. При негативном определении известно лишь то, чем нечто быть не может. При позитивном определении нечто определённое (das Bestimmte) может быть действительно доказано. Его можно неоднократно представить, и то, о чём вынесено вероятностное позитивное суждение, функционирует в соответствии с этим суждением и в дальнейшем процессе познания.

Я вернусь к таким позитивным определениям позднее, когда речь пойдёт об исследованиях в области головного мозга и генных технологий. А теперь я хотел бы продолжить разъяснения, касающиеся названия данной работы.

2.

Что я понимаю под границами позитивного определения?

Я не думаю, что как только разговор заходит о границах, сразу подразумеваются моральные границы, хотя, конечно, существуют также и моральные границы позитивного определения человека. Сама наша естественнонаучная познавательная деятельность имеет границы. Её преимущество, заключающееся в том, что она столь позитивно определена и обусловлена, как раз и является границей. Позитивное определение не может быть просто перенесено в другой контекст, применено к другим определениям и использовано при других условиях. И если это происходит, тотчас же даёт о себе знать граница естественнонаучной познавательной деятельности, и между самими учёными-естествоиспытателями разгорается спор о границах, в которых применим тот или иной метод. Без этих внутренне присущих позитивному определению границ проведение дальнейших исследований оказалось бы излишним. История не знала бы ни одного нового исследования. Свообразие позитивных определений опытных наук заключается в их пограничном характере. Чем более определённы и обусловлены опытные науки, тем более они и ограничены. Подталкивая к следующему преодолению границ, они инициируют новое исследование. Стало быть, нужно очень серьёзно относиться к историческому характеру позитивных определений. Чем однозначнее их воспроизводство, тем менее интересны эти определения для исследования, находящегося в поиске новых методов и новых теоретических понятийных порядков.

Исследование – это историческое предприятие, которое живо благодаря плюрализму методов и образцов объяснения. Исследование – это превосхождение границы, возникшей вследствие позитивного определения. И оно завершается установлением новой границы, поскольку в итоге формируется новое позитивное определение. Не следует мифологизировать исследование, как это, к сожалению, слишком часто происходит в средствах массовой информации, склонных к распространению всякого вздора. Исследование

не было бы естественнонаучным, если бы оно могло раз и навсегда всё объяснить и всё расставить по своим местам. Но всё, что может произойти при всех возможных условиях, в высшей степени неопределённо и безусловно. С теоретической точки зрения это означает, что в ходе исследования высказывания о безусловном и неопределённом должны формироваться условным и определённым образом. Однако это логическая ошибка в собственном смысле слова – *circulus vitiosus*. А с практической точки зрения исследование должно преобразовывать всё безусловное и неопределённое в стандартные условия одного-единственного позитивного определения. Это было бы иллюзией всемогущества, которую отстаивают в тоталитарных порядках, но которая не может честно выступать под именем опытной науки. Последняя жива благодаря шлейфу корректур, которые появляются в процессе обучения *scientific community*. Ошибки и заблуждения, невежество и забвение рано или поздно становятся явными.

3.

Поэтому в подзаголовке моей статьи я сказал о «*homo absconditus*», т. е. о непостижимости человека. Непостижимость человека касается здесь только сущности *человека в целом*. Аспекты человека, конечно же, могут быть определены и обусловлены. Они доступны пониманию, объяснению и изменению, и всё это осуществляется в медиуме истории. Но эти позитивные условия и определения аспектов человеческого существования не могут быть перенесены на окончательное, т. е. абсолютное, сущностное определение человека в целом. Тот, кто запросто транспонирует определённое на неопределённое, условное на безусловное, конечное на бесконечное, радикально порывает как с логикой, так и со свободным самопониманием человека. Тот, кто выдаёт спекулятивные метафоры за опытно-научное познание, впутывается в знаменитые Кантовы антиномии, скрыть которые под силу разве что фанатизму.

Выражение «*homo absconditus*» возникло в конце 1920-х – начале 1930-х гг., т. е. во время между двумя мировыми войнами, когда уже утвердились тоталитарные порядки и, соответственно, дала о себе знать их реальная опасность. Георг Миш применил принцип непостижимости человека в своей систематизации исторической философии жизни Вильгельма Дильтея. Хельмут Плеснер тоже признал непостижимость человека и возвёл её в принцип своей философской антропологии. Плеснер, до того как заинтересовался философией и стал философом, уже имел учёную степень по зоологии и этологии, защитив кандидатскую диссертацию у Ф. Й. Й. Бейтендейка. Признавая *homo absconditus*, он тем самым хотел выступить против злоупотребления естественнонаучными позитивными определениями человека в политико-идеологических мифах. Кроме того, именно Плеснер после эмиграции в Нидерланды и после Второй мировой войны предложил Карлу Шмидту, как одному из отцов немецкой Конституции, знаменитую формулировку: «Достоинство человека неприкосновенно».

Защита достоинства человека означает, что о нём нельзя выносить окончательного дефинитивного суждения, для исправления и обжалования которого не оставалось бы никаких шансов. Ущемление достоинства человека происходит, например, тогда, когда человек подводится под одно-единственное позитивное определение, скажем, человек — это религиозное, историческое, этническое, социальное или биологическое существо, как если бы в непостижимости его индивидуальности не было заложено никакого потенциала свободы для того, чтобы быть, соответственно, иметь возможность становиться другой или другим. Здесь становится ясным практическое значение признания непостижимости. Речь идёт не только о границах познания, но одновременно и о границах действий по отношению к человеку.

4.

Не стоит всё же смешивать структурные цели современности, которые Хабермас называет «структурной властью» и ради которых он требует новое общественное распределение власти, с неправильным развитием вышеупомянутого исторического прошлого. Если сравнить время возникновения *homo absconditus* с вызовами, перед которыми мы — представители западного мира — сегодня оказались, то придётся констатировать, что положение дел существенно изменилось. Безусловно, демократия должна заново усваиваться каждым появившимся поколением, а в известной мере — даже вновь завоевываться. Однако главная проблема западного мира заключается уже не в том, что тоталитарные политические тенденции, поработавшие государство, ставят себе на службу потенциал науки и техники. Опытные науки и технологии всё более и более зависят от крупных фирм, которые в значительной мере способны осуществлять финансовую поддержку исследований и инноваций, а также на договорной основе финансировать выполнение научных, в том числе фундаментальных, исследований, равно как и общественные структуры, необходимые для проведения этих исследований. Эти фирмы, в свою очередь, активно действуют на глобализованных информационных и финансовых рынках и тем самым вовлекают все страны в конкурентную борьбу за размещение производств. В структурном отношении самым мощным и влиятельным источником мифологизации позитивных определений, их неверного понимания и злоупотребления ими является конкурентная борьба на глобальных рынках. Глобальным рынкам недостаёт как глобального, так и политического, а также общего правового порядка, которому нужна поддержка как на континентальном уровне, так и на уровне Европейского Союза. Когда главная угроза исходит — по меньшей мере, в западном мире — от экономической приватизации инноваций *без* эффективного публичного контроля над ней, то нужно ясно называть эти структурные проблемы своими именами, вместо того чтобы сваливать вину за эти проблемы на тягу учёных к естественнонаучным исследованиям.

Состязание между публичными и частными исследованиями в сфере декодирования генома человека, борьба за патентирование и защита от необходимости брутальной приватизации публичного знания и мастерства опытных наук в последнее десятилетие привлекли внимание к подлинным очагам опасности. Если мы хотим сохранить нормальное функционирование рынков в течение долгого времени, мы должны защитить их от монополизации. А патентирование обманным путём может уже сегодня запрограммировать монополизацию рынков будущего. Если мы хотим обеспечить исследованию долгое будущее, т. е. всё новое и новое превосходение позитивных определений, мы должны защитить опытные науки от их монополизации. Затем, мы должны согласиться на их плюрализацию не только в вопросах метода и теоретических образцов объяснения, но и в отношении пропорционального финансирования из разных источников, а также позаботиться о плюрализации частных и публичных институтов.

Безусловно, в ходе истории задачи государства менялись. То, что раньше рассматривалось исключительно в качестве общественно необходимой задачи, сегодня может быть организовано и без вмешательства государства, в частном порядке. В качестве примера можно привести почту и железную дорогу, хотя и в этом случае всё ещё остаётся необходимость в государственном контроле, но уже из соображений безопасности. Но точно так же государство, выступая в роли инструмента публичности, не может отстраниться от исследования и образования. В противном случае оно уступит частному капиталу один из бесспорно наиболее важных потенциалов того будущего, которое принадлежит всем нам. Не стоит обманываться на сей счёт: *сам по себе* рыночный механизм имеет тенденцию не только к позитивным, но и к негативным селекциям, достаточно вспомнить об успехах рекламирования всего того, что приводит к болезни. Я приветствую намерение строже применять — в том числе и в Европе — частное и гражданское право для того, чтобы посредством требований возмещения ущерба и компенсации за причинённый нематериальный ущерб способствовать улучшению рынка на его собственном языке денег. Только при этом мы не должны упустить проблему различных временных горизонтов. Сенсационные выигрыши судебных процессов против табачной индустрии состоялись только после того, как несколько поколений молодых людей стали жертвами табакокурения. Все терапии, связанные с борьбой против болезней, в особенности против наследственных болезней, называемые вкратце «негативной селекцией», можно поддерживать лишь в зависимости от того, насколько публично и юридически корректно соблюдается и осуществляется отличие «негативной селекции» от «позитивной селекции», т. е. от предпочтения позитивных признаков.

Наконец, если мы хотим надёжно защитить рынки и исследования от пагубной монополизации, то это возможно только путём укрепления демократического и публичного разделения властей. Только в плюрализации, а не в структурной монополизации общества, то есть тогда, когда вопрос о человеке держится исторически открытым, мы

обретём будущее, вместо того чтобы его потерять. Глобальная рыночная экономика и глобальное исследование могут взаимодополнять и поддерживать друг друга только тогда, когда демократическое разделение властей и публичный контроль защищают их от ложной монополизации. В противном случае прогресс в позитивном определении человека, словно бумеранг, обратится против него самого: человек превратится в жертву одной-единственной позитивной фиксации. В таком случае у него больше не будет простора для свободы действий, а вид «человек», если рассматривать его в долгосрочной перспективе, лишится богатства вариативности. Эволюция никогда не является только селекцией, но всегда и вариацией. Без демократии и публичности мы утратим специфику человека, принеся её в жертву фиксации исключительно на определении человека как существа, имеющего только инстинкты и рефлексy, «установив» его, как однажды сказал Ницше, в качестве животного.

5.

Теперь я, наконец, перехожу к полемическому тезису против генных мифов, выдвинуть который меня побудил Йенс Райх: дешифровка генома человека привела к возникновению странных мифов и появлению ложных выводов. Я хотел бы применить против ложной детерминистской интерпретации генного кода известное семиотическое различие между синтаксисом, семантикой и прагматикой знаков. Под «синтаксисом» можно понимать отношения между телами знаков, например между поддающимися идентификации физическими образами букв. Буквы, взятые по отдельности, как таковые не имеют никакого значения. Единства значений образуются только благодаря их составлению в слова и соединению слов в предложения. Если провести аналогию с генным исследованием, то можно было бы сказать следующее: значение — это функция гена, которая включается и выключается другими протеинами. От этого зависит, станут ли они действительными во временном потоке, а если станут, то когда и как. Если продолжать сравнение с семиотикой, то эту функцию можно было бы назвать «семантикой». Гены отвечают за возникновение определённых органов и органических изменений. В свою очередь действие органов определяется их поведением во всем организме. В случае такого поведения во всём организме они должны определённым образом взаимодействовать, и, наконец, это поведение должно находиться в определённой гармонии с окружающим миром. В семиотике эту ориентацию вопроса на функцию поведения единств значений называют «прагматикой», то есть речь идёт о применении знаков, а не о семантике и синтаксисе знаков.

Если провести аналогию с биологией человека как живого существа, то можно сказать следующее: последовательности генов образуют синтаксис. Как и в семиотике, они подобны отношениям между телами знаков, то есть представляют собой некий род потенциала для их функции и, соответственно, для их значения. Семантическое

значение они проявляют только в качестве биологической функции. В пространственно-временном потоке включённости и выключенности они демонстрируют определённые органические эффекты роста. Однако эти семантические значения, т. е. биологические функции, гена делают возможным только поведение организма, причём в той мере, в какой последний должен обучиться навыкам поведения во взаимодействии с окружающим миром. Гены не заменяют овладение навыками человеческого поведения, но являются необходимой предпосылкой для него, предпосылкой необходимой, но ни в коем случае не достаточной. Конечно, определённые гены могут отвечать только за определённые потенциалы поведения, вследствие чего иначе определённые потенциалы поведения становятся невозможными, как это происходит, например, в случае с наследственными заболеваниями. Однако отсюда, из этой определённости и обусловленности взаимного упорядочения генов и поведений, никоим образом не следует, будто гены неким неопределённым и безусловным образом могут вообще заменить навыки поведения. Лишь из социокультурной прагматики обучения навыкам человеческого поведения становится понятно, как в ходе обучения приобретается то, что органически возможно и необходимо.

Итак, генный код является лишь синтаксисом, который, конечно же, совместим не с любым видом семантики и прагматики. Однако ошибочные заключения проистекают вследствие того, что полагают, будто синтаксис, генный код, полностью детерминирует значение и прагматику человеческого поведения. Серьёзные исследователи генов постоянно указывают на то, что исследование функций гена по большей части всё ещё предстоит, и с расшифровкой последовательности генов оно ещё далеко не завершилось. Этологи, опираясь исключительно на биологические данные, точно установили, что уже на уровне млекопитающих приобретение поведенческих навыков имеет социокультурный характер. Конечно, синтаксис гена нельзя заменить процессом обучения. Но и противоположное не в меньшей степени ошибочно, поэтому учёный-естествоиспытатель всегда должен публично защищаться от политико-идеологического злоупотребления результатами его познания вне зависимости от того, откуда оно исходит: «слева» или «справа». Синтаксис генов никогда не сможет *заместить* биомедицинскую функцию, их семантику, не говоря уже о социокультурной прагматике специфически человеческого поведения. Против такого рода замещения говорит, например, всё то, о чем идёт речь в ставшем знаменитым PISA-исследовании. Там ведь говорится как раз о таких различиях между странами, которые можно обнаружить, только если принять во внимание социокультурную прагматику навыков поведения.

В заключение я хотел бы представить на обсуждение ещё один тезис, нацеленный на разоблачение мифов о головном мозге и сознании. Второй значимый вызов брошен нам не исследователями генов, но исследователями головного мозга. Результаты этих исследований противоречат свободе сознания. Согласно этим результатам сознание может затормаживать или усиливать интенсивность поведения только приблизительно за полсекунды до его исполнения. Правда, сознанию кажется, будто оно инициирует действие, но на самом деле действие уже давно началось в виде неосознанного поведения. Очевидно, что все разновидности человеческого поведения начинаются на бессознательном уровне, задолго до того, как они могут быть осознаны. Меня не потрясает это «опоздание» человеческого сознания, поскольку я не могу растворить свободу человека в его сознании. Возражая против ложных выводов, к которым приходит как физиология головного мозга, так и философия сознания, в дальнейшем я хотел бы выбрать такой путь рассмотрения сознания, который берёт функцию сознания в течение всего цикла человеческого поведения, а не ориентируется лишь на мгновенные исполнения. Тогда мы не сможем ни переоценить, ни недооценить сознание. Человеческое бытие богаче, разнообразнее — и вместе с тем оно более хрупкое и нуждается в защите больше, чем кажется, когда его рассматривают только с точки зрения сознания.

Функция сознания выступает на первый план при *изменении* поведения. В известных ситуациях, с которыми можно справиться полуавтоматически, роль сознания снижается. В таких случаях сознание лишь как бы сопровождает выполняемое действие с тем, чтобы осуществить контроль над его правильностью. Однако, чем более незнакома, непривычна и нова ситуация, тем более внимательным должно быть сознание, тем более открыто и сосредоточенно мы должны реагировать, дабы найти новый поведенческий ответ. Для этого подмечивания и торможения привычного прежнего поведения всегда достаточно полсекунды. Но может быть и так, что её будет недостаточно для выработки нового поведения. Вероятно, этот временной интервал достаточен лишь для того, чтобы совершить ошибку. Эту способность совершить ошибку в генезисе нового поведения я считаю очень важной с точки зрения философской антропологии. Человеческие существа — это существа, способные ошибаться, они могут и должны учиться на своих ошибках. Оттого мы как индивидуумы — в отличие от других живых существ — нуждаемся в гораздо большем времени для обучения компетенциям вида. Никакой другой вид не может позволить себе эту необходимую роскошь — разрешить подросткам играть целых 20 лет для того, чтобы они выстроили взрослый репертуар поведения. Ведь в играх, определённо, дано право на совершение ошибок и предполагается обучение на ошибках. Позднее, став взрослыми, мы позволяем себе ошибки в гораздо меньшей степени.

Однако, в конечном итоге, возможность ошибки распространяется на все наши институты и на историческую коррекцию этих институтов.

Итак, данные физиологии головного мозга вовсе не опровергают нашу свободу. Но и нам не стоит придерживаться того недоразумения, будто источник нашей свободы – это мгновенно действующее сознание. Наша взрослая ответственная свобода возникает в ходе длительного созидания специфически человеческих навыков поведения в обществе и культуре, а вовсе не является результатом произвола мгновенно действующего сознания в обществе, ориентированном на получение удовольствий. И эта свобода участвует в усовершенствовании традируемых навыков поведения, а для этого нужны соответствующие публичные и соблюдающие принцип разделения властей институты, отсутствие которых приводит к катастрофическим извращениям мировой истории. Знания, получаемые в результате исследования физиологии головного мозга, должны включаться в социокультурный цикл обучения людей на протяжении всех поколений. Именно в силу подтверждения физиологией головного мозга того факта, что мы не можем полагаться на наше мгновенное, произвольно действующее сознание, поскольку оно часто запаздывает и совершает ошибки, становится очевидно, насколько социокультурные процессы обучения характерны для человеческих существ. Они есть и остаются нуждающимися в истории живыми существами, которые в позитивном определении аспектов их существования всё же держат открытым своё будущее в целом – до тех пор, пока они суть именно люди.

Перевод с немецкого
Елены Савко